

ПОЭЗИЯ ИНТЕРТЕКСТА И ГЛУБИНА ГИПЕРТЕКСТА

В.Б. Смиренский

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН)

Россия, 118418, Москва, Нахимовский пр. 51/21

e-mail: smiren@inion.ru

Ключевые слова: маркированная интертекстуальность, художественный текст, фрейм, литературные прототипы, текстовые соответствия, А.С. Пушкин “Памятник”

Предлагается ограничивать интертекстуальность такими отношениями, когда в тексте можно обнаружить конкретные тематические, лексические и смысловые связи с его прототипами. Вопрос о намеренности, осознанности таких связей в литературном тексте остается открытым. Но сама возможность их установления или декодирования в соответствии с формальными критериями и правилами позволяет говорить о маркированной интертекстуальности (независимо от того, маркируются эти связи самим автором или исследователем). Маркированные интертекстуальные связи могут проявляться на самых разных уровнях, в том числе и на уровне композиции, общей схемы (фрейма) построения текста и характера коммуникативного акта. На примере анализа стихотворения А.С. Пушкина “Памятник” исследуются и сопоставляются интертекстемы также на уровне предикативных единиц, слов и словосочетаний, лексико-парадигматических вариантов и противопоставлений с целью установления и уточнения художественной модели произведения.

Радикальная концепция интертекста восходит к работам М.М. Бахтина и Ю. Кристевой, которая предложила заменить бахтинский термин “диалогичность” “интертекстуальностью” [1]. Согласно этой концепции, всякий текст выступает как интертекст, и в основе каждого отдельного произведения – не только совокупность всех предшествующих текстов, но и сумма общих кодов и систем, т.е. безграничный и бесконечный текст. Отказываясь от анализа конкретных межтекстовых отношений, эта радикальная теория лишает лингвистику ее исследовательских задач.

С другой стороны, Р. Лахманн предлагает так называемую узкую концепцию интертекстуальности, которая имеет место тогда, когда автор намеренно тематизирует взаимодействие между текстами, делает его видимым для читателя с помощью особых формальных средств [2]. Кроме того, можно предположить, что не только автор делает это намеренно и осознанно, но и читатель (или исследователь) может верно определить авторскую интенцию и воспринимает диалогичность данного текста. Интертекстуальность в таком понимании сводится к маркированной интертекстуальности. Опираясь на эту концепцию, лингвистика получает возможность детального и формального изучения межтекстового (интертекстуального) взаимодействия [3].

Имеются существенные различия между интертекстуальностью в научных и художественных текстах. В научных текстах она выступает как универсальный принцип их построения, предполагает точное цитирование с указанием источника и т. п. В художественной литературе интертекстуальность – это один из способов порождения произведения. Точное цитирование с указанием источника встречается сравнительно редко (Ср. стих Пушкина: “Иных уж нет, а те далече, / Как Сади некогда сказал.”). Но можно отметить, как общие черты, с одной стороны, цитирование и заимствование, которые нужны для утверждения интенций ученого или писателя, а с другой стороны, полемичность научного текста и смысловые противопоставления, которые часто используются в тексте художественном.

Немало исследований посвящены интертекстуальным связям стихотворения А.С. Пушкина “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...” (1836). Как известно, оно написано на

тему оды Горация “К Мельпомене” (XXX ода книги III), откуда взят и эпитафия. Эту же оду Горация перевел впервые на русский язык Ломоносов (1748); ей подражал Державин в своем стихотворении “Памятник” (1795).

Обращение к этому материалу оправдано тем, что данные тексты построены по одному и тому же канону, имеют общую схему построения, заданную одой Горация.

В большинстве случаев исследователи-литературоведы обращают внимание на тематические связи между этими произведениями. В меньшей степени исследованы взаимосвязи в их лингвистической структуре и текстуре. Чтобы их выявить, для наглядности приведем тексты трех поэтов в табличной форме. Жирным шрифтом отмечены соответствия (по крайней мере, между двумя текстами) точные или почти точные (ср. **Превыше пирамид - выше пирамид; воздвигнул – воздвиг**). Курсивом выделены синонимичные или гипонимичные лексические единицы – слова и обороты (*крепче меди - металлов тверже*). Смысловые противопоставления и корреляты выделяются подчеркиванием (**венчай - не требуя венца**).

Ломоносов (Л)	Державин (Д)	Пушкин (П)
1 Я знак бессмертия себе воздвигнул	Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,	Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
Превыше пирамид и <i>крепче меди,</i> Что бурный аквилон <i>сотреть</i> не может, Ни <i>множество веков</i> , ни едка древность.	<i>Металлов тверже</i> он и выше пирамид; Ни вихрь его, ни гром не <i>сломит</i> быстротечный, И <i>времени полет</i> его не <i>сокрушит</i> .	<i>К нему не зарастет народная тропа,</i> Вознесся выше он главою непокорной <i>Александрійского столпа.</i>
5 Не вовсе я умру; но смерть оставит Велику часть мою, как жизнь скончаю. Я буду возрастать повсюду славой, <u>Пока великий Рим владеет светом.</u>	<u>Так!</u> — весь я не умру, но часть меня большая, От тлена убежав, по смерти станет жить, И слава возрастет моя, не увядая, <u>Доколь славянов род вселенна будет чтить.</u>	<u>Нет, весь я не умру — душа</u> в заветной лире Мой прах <i>переживет</i> и тленья убежит — И славен буду я, <u>доколь в подлунном мире</u> <u>Жив будет хоть один пиит.</u>
Где быстрыми шумит <i>струями</i> Авфид, 10 Где Давнус царствовал в простом народе. <i>Отечество</i> мое молчать не будет, Что мне <i>беззатный род</i> препятством не был,	Слух прóйдет обо мне от Белых <i>вод</i> до Черных, Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал; Всяк будет помнить то в народах неисчетных, Как из <i>безвестности</i> я тем <i>известен</i> стал,	Слух обо мне пройдет по всей <i>Руси великой,</i> И назовет меня всяк <i>сущий</i> в ней <i>язык,</i> <u>И гордый внук славян,</u> <u>и финн,</u> и ныне <i>дикий</i> <u>Тунгус,</u> и друг <i>степей калмык.</i>
Чтоб вносить в Италию <i>стихи зольски</i> И первому звенеть <i>Алцейской лирой.</i>	Что первый я дерзнул в забавном <i>русском</i> <i>слоге</i> О <i>добродетелях</i> Фелицы возгласить, В сердечной простоте беседовать о Боге	И долго буду тем <i>любезен я народу,</i> Что чувства <i>добрые</i> я лирой пробуждал, Что в мой жестокий век восславил я Свободу

	<u>И истину царям с улыбкой говорить.</u>	<u>И милость к падшим призывал.</u>
15 Взгордися <i>праведной заслугой муза,</i> И увенчай главу дельфийским лавром.	О Муза! Возгордись <i>заслугой справедливой,</i> <i>И презрит кто тебя,</i> <i>сама тех презирай;</i> Непринужденною рукой неторопливой <i>Чело</i> твое зарей бессмертия венчай.	Веленью Божию, о муза, будь послушна, <i>Обиды не страшась, не</i> требуя венца, <i>Хвалу и клевету</i> <i>приемли равнодушно</i> И не оспаривай глупца.

Как отмечают исследователи, межтекстовые связи, или интертекстуальные знаки, опираясь на единицы разных уровней языка, структурируются по-разному [4].

1. Цитата, соотносимая с предикативной единицей:

- 1) Л > Д > П: **Я знак бессмертия себе воздвигнул** (Л) > **Я памятник себе воздвиг** (Д,П)
- 2) Л > Д > П: **Не вовсе я умру!** (Л) > **Так — весь я не умру** (Д) > **Нет, весь я не умру** (П)
- 3) Л > Д > П: **смерть оставит Велику часть** мою (Л) > **часть меня большая,..по смерти станет жить** (Д) > **душа** в заветной лире **Мой прах переживет** (П)
- 4) Л > Д > П: **сотреть** не может, **Ни множество веков,** ни едка древность (Л) > **И времени полет** его не **сокрушит** (Д) > **К нему не зарастет народная тропа** (П)
- 5) Л > Д > П: Я буду **возрастать повсюду славой** (Л) > **И слава возрастет** моя (Д) > **И славен** буду я (П)
- 6) Л > Д > П: **И увенчай главу** дельфийским лавром (Л) > **Чело** твое зарей **бессмертия венчай** (Д) > **не требуя венца** (П)
- 7) Л > Д > П: **Взгордися праведной заслугой муза** (Л) > **О муза, возгордись заслугой справедливой** (Д) > **Веленью Божию, о муза, будь послушна** (П)
- 8) Д > П: **часть меня большая,** От тлена убежав (Д) > **душа... тленья убежит** (П)
- 9) Д > П: **Слух прйдет обо мне** (Д) > **Слух обо мне пройдет** (П)
- 10) Д > П: **Доколь славянов род вселенна** будет чтить (Д) > **доколь в подлунном мире** Жив будет **хоть один пиит** (П)
- 11) Д > П: **Всяк будет помнить** то в **народах неисчетных** (Д) > И назовет меня **всяк суций** в ней язык ~ И долго буду тем **любезен я народу** (П);
- 12) Д > П: **И презрит кто тебя, сама тех презирай** (Д) > **Хвалу и клевету приемли равнодушно** (П);

2. Цитата, соотносимая со словосочетанием или лексемой (отдельным словом):

- 1) Л > Д > П: **Превыше пирамид** (Л) > **выше пирамид** (Д) > **выше** он главою непокорной **Александрийского столпа** (П)
- 2) Л > Д > П: **муза** (Л) > **О Муза!** (Д) > **о муза** (П)
- 3) Л > П: Алцейской **лирой** (Л) > **заветной лире, лирой** (П)
- 4) Л > Д: **часть** мою (Л) > **часть** меня (Д)
- 5) Л > Д: **перьвому** (Л) > **первый** (Д)
- 6) Л > Д: **бессмертия**
- 7) Д > П: От тлена **убежав** (Д) > **тленья убежит** (П)
- 8) Д > П: **народах неисчетных** (Д) > **народу, народная тропа** (П)
- 9) Д > П: **славянов род** (Д) > **гордый внук славян** (П)
- 10) Д > П: **доколь**

- 11) Д > П: **всяк**
 12) Д > П: **Боге** (Д) > **Божию** (Л)

3 Лексико-парадигматический вариант:
3а. Синонимы и гипонимы

- 1) Л > Д > П: **знак** (Л) > **памятник** (Д,П);
 2) Л > Д > П: **пирамид** (Л, Д) > **Александрийского столпа** (П);
 3) Л > Д > П: **часть** (Л, Д) > **душа** (П);
 4) Л > Д: Где быстрыми шумит *струями* Авфид (Л) > от Белых *вод* до Черных,/ Где Волга, Дон, Нева,/ с Рифея льет Урал (Д)
 5) Л > П: **Отечество** (Л) > **Руси великой** (П)
 6) Л > Д: Велику **часть** мою (Л) > **часть меня** *большая*
 7) Л > Д: **крепче меди** (Л) > **металлов тверже** (Д);
 8) Л > Д: **сотреть** не может (Л) > **не сокрушит** (Д)
 9) Л > Д: **множество веков** (Л) > **времени полет** (Д);
 10) Л > Д: **беззнатный род** (Л) > **безвестности** (Д)
 11) Л > Д: **главу** (Л) > **чело** (Д);
 12) Л > Д: **стихи эольски** > **русском слоге**
 13) Д > П: **чудесный, вечный** (Д) > **нерукотворный** (П);
 14) Д > П: **вселенна** (Д) > **подлунном мире** (П);
 15) Д > П: **Всяк** ... **в народах неисчетных** (Д) > **всяк** *сущий* в ней **язык** (П);
 16) Д > П: **род** (Д) > **гордый внук** (П)

3. Лексико-парадигматический вариант:
3б. Противопоставления и корреляты

- 1) Л > Д > П: И **увенчай** *главу* дельфийским *лавром* (Л) > *Чело* твое зарей **бессмертия** **венчай** (Д) > **не требуя венца** (П)
 2) Л > Д > П: Пока **великий Рим** владеет светом (Л) > **Доколь славянов род** *вселенна* будет чтить (Д) > **доколь** в *подлунном мире* Жив будет **хоть один** *пьит* (П)
 3) Л > Д > П: **Взгордися** *праведной заслугой* **муза** (Л) > **О муза, возгордись** *заслугой справедливой* (Д) > Веленью Божию, **о муза, будь послушна** (П)
 4) Л > Д: **стихи эольски** > **русском слоге**
 5) Д > П: **от Белых вод до Черных, Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал** (Д) > **и гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгус, и друг степей калмык** (П)
 6) Д > П: **О добродетелях** *Фелицы* **возгласить** (Д) > **Что чувства добрые** я **лирой** пробуждал (П)
 7) Д > П: В сердечной простоте **беседовать о Боге** (Д) > **Веленью Божию, о муза, будь послушна** (П)
 8) Д > П: **И истину царям с улыбкой говорить** (Д) > **И милость к падшим призывал** (П)

Некоторые интертекстемы отнесены одновременно к разным типам. Соответствия предикативного характера могут выступать и как смысловые противопоставления: *Чело* твое зарей **бессмертия** **венчай** (Д) > **не требуя венца** (П). Некоторые синонимы можно отнести и к противопоставлениям: **О добродетелях** *Фелицы* **возгласить** (Д) > **Что чувства добрые** я **лирой** пробуждал (П).

Поскольку в основе стихотворений Ломоносова, Державина и Пушкина лежит ода Горация, и текст Ломоносова – это перевод этой оды (хотя до некоторой степени вольный), то к изучению интертекстуальных соответствий (по крайней мере, в данном случае) можно подойти, как это делается в теории художественного перевода, на основе анализа прагматических аспектов художественной коммуникации и смысловых трансформаций соответствующих текстов.

Маркированные интертекстуальные связи могут проявляться на самых разных уровнях, в том числе и на уровне композиции, общей схемы построения текста и характера коммуникативного акта. При таких преобразованиях текста, как перевод и подражание, возникает вопрос о сохранении / несохранении коммуникативной заданности текста-источника (Т₁) и производного текста (Т₂), сохранении используемых для этого средств [5].

Как и у предшественников, структура коммуникативных актов в художественном тексте Пушкина строится по схеме Я – Я: в четырех строфах десять раз сказано: "я", "я", "мой", "я", "обо мне", "меня", "я", "я пробуждал", "восславил я". В пятой "я" отсутствует совсем - есть только "веленье Божие" и Муза" [11, с.446]. Но Муза у Пушкина – это alter ego поэта. Таким образом, субъективный характер стихотворения имеет максимально эксплицитный характер.

Несмотря на это, некоторые исследователи стремились оспорить, "самохвальный", по словам Н. Гоголя, характер стихотворения, видя в нем даже пародийный подтекст. Так, В.В. Вересаев писал, что Пушкин просто пародирует "пышные самовосхваления Державина. И на его гордостный "Памятник" он ответил тонкой пародией своего "Памятника". А мы серьезнейшим образом видим тут какую-то "самооценку" Пушкина" [8].

Справедливости ради, надо сказать, что шутивное или даже пародийное отношение к данной теме имело место в творчестве Пушкина. Так, еще в 1823 году, в первом черновом варианте "Альбома" Онегина (XXIX строфа второй главы романа) были строки, очень близкие к будущему "Памятнику", но звучали они шутивно:

И этот юный стих небрежный
 Переживет мой век мятежный.
 Могу ль воскликнуть <о друзья> -
 Воздвигнул памятник <и> я.
 (Был также еще вариант последней строки: . Exegi monumentum я)

Но достаточно сравнить эти строчки с первой строкой "Памятника", где эпитет "нерукотворный" и его коннотации сразу исключает шуτικότητα, даже если и не знать, что "Памятник" был написан в августе (21 августа 1836), и дни работы Пушкина над ним совпадают с праздником иконы Спаса Нерукотворенного (16 августа), что дает полное право считать, что "слово нерукотворенный было в его сознании в эти августовские дни" [9, с.126]. Эпитет "нерукотворный", пишет О. Проскурин, отсылает в первую очередь к Евангелию от Марка и другим местам Нового Завета, где это слово встречается 8 раз [10, с.290]. Таким образом, тянущаяся ввысь эпитетом "нерукотворный" первая строфа связывается с "веле́нием Божьим" пятой строфы" [11, с.24].

В пятой строфе "окончательно сочетались Бог и Муза, alter ego поэта". По мнению И.Сурат, здесь "...поэтическое и религиозное призвание слиты воедино, путь поэта освещен небесами и ведет его к жизни вечной" [12]. Но и Державин, говоря о своих заслугах, вспоминает свою великую оду "Бог". Во всяком случае, у Пушкина мы видим явный отказ от призыва своих предшественников "возгордиться": **Взгордися праведной заслугой муза (Л) > О муза, возгордись заслугой справедливой (Д).**

Нет оттенка шутивности и в последней строке из черновой строфы "Альбома Онегина", которая в конце концов стала завершением "Памятника": "В Коране много мыслей здравых // Вот например: перед отцом // Смирись - беги путей лукавых // Чти бога и не спорь с глупцом". Ср.:

Обиды не страшась, не требуя венца;
 Хвалу и клевету приемли равнодушно
 И не оспаривай глупца.

Сохраняя обращение к Музе, Пушкин изменяет его смысл на противоположный: его Муза не требует венца. Создателю “нерукотворного” памятника не нужны внешние или официальные атрибуты славы. Тем более, что раньше поэт уже высказывал свое ироническое отношение к этим лаврам (о которых говорит Ломоносов) и даже выделил этот стих:

О ты, чья память сохранит
 Мои летучие творенья,
 Чья благосклонная рука
 Потреплет лавры старика!
 (“Евгений Онегин”, II, XL)

С одной стороны, несмотря на все усилия, невозможен идеальный перевод, представляющий собой совершенный изоморф T_1 , ибо полное достижение подобного совпадения нереально из-за различий в языковых и культурных кодах [5]. При интертекстуальном взаимодействии эти коды, в общем, совпадают, но изменение смысла высказывания на противоположный – важное свойство интертекстуального соответствия, в отличие от перевода и даже подражания.

Анализируя интертекстуальные соответствия, можно использовать фреймы, как эффективное средство вхождения в ситуацию и “работу-ориентацию” в ней [5], а также как общую схему построения текста. В связи с этим можно вспомнить, что свой перевод Горация Ломоносов включил в “Краткое руководство к красноречию”, § 268. Этот перевод он использовал в качестве примера “неполного силлогизма, или энтимемы”, в которой “полагается одна посылка, потом присовокупляется причина и все заключается следствием”. Расположение оды Горация (и ее перевода), по словам Ломоносова “состоит в следующей энтимеме: Я поставил знак бессмертия своей славы затем, что я первый сочинил в Италии оды, какие писал Алцей Еольский, того ради должна моя муза себя лавровым венком увенчать”. Печатавая свой перевод, Ломоносов снабдил каждую из трех частей оды особым заглавием: “Посылка” (стихи 1–8), “Причина” (стихи 9–14) и “Следствие” (стихи 15–16).

Используя и дополняя этот анализ, можно представить перевод Ломоносова в виде следующего фрейма, который предлагается в работе [6] для репрезентации структуры шекспировских сонетов:

Я создал X; X есть такой Y, который отличается свойствами Z_1, Z_2, \dots, Z_i , поэтому P.

X – знак; X есть такой Y – знак бессмертия и будущей славы: Не вовсе я умру; но смерть оставит / Велику часть мою, как жизнь скончаю./ Я буду возрастать повсюду славой, /Пока великий Рим владеет светом.

Z_1, Z_2, \dots, Z_i – свойства: я первый сочинил в Италии оды, какие писал Алцей Еольский; поэтому P; P - Обращение к Музе: должна моя муза себя лавровым венком увенчать.

Этот фрейм можно применить и для представления структуры “Памятника” Державина:

X – памятник; X есть такой Y – памятник чудесный, вечный, будущей славы:

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,

От тлена убежав, по смерти станет жить,

И слава возрастет моя, не увядая,

Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Z_1, Z_2, \dots, Z_i – свойства: первый я дерзнул в забавном русском слоге/О добродетелях Фелицы возгласить,/В сердечной простоте беседовать о Боге/ И истину царям с улыбкой говорить;

поэтому P; P - Обращение к Музе: Непринужденною рукой неторопливой / Чело твое зарей бессмертия венчай.

Общая схема построения текста, которую можно назвать схемой Горация – Ломоносова, остается у Державина той же, во многом совпадают части о посмертной славе и финальное следствие, но можно видеть и отличия в заполнении некоторых “слотов”. Если Ломоносов сразу вводит в текст концепт “бессмертие”, то Державин использует его, как вывод в финале. В переводе Ломоносова будущая слава поэта связана с римскими реалиями. Державин также связывает с географическими названиями свою будущую славу, но поскольку это уже не перевод, а подражание, он использует реалии русские.

Реки, перечисленные в "Памятнике" Державина, находятся на большом расстоянии друг от друга. Это не случайно: географическая масштабность была характерна для оды XVIII века [7, с. 312].

Слух прѣйдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал.

Но Державин не ограничивается топонимами, а говорит уже про "род славянов" и о "народах неисчетных"; *стихи эольски* сменились *русским слогом*. Далее, подчеркивая свои заслуги перед тронем, он гордится и тем, что мог “истину царям с улыбкой говорить”. С этой целью он расширяет последнюю строфу Ломоносова (в его стихотворении уже не 16, а 20 строк). Обращение к Музе, с одной стороны, повторяет Ломоносова, а с другой – поднимает тему презрения и равнодушия к клевете и непониманию, продолженную Пушкиным.

В “Памятнике” Пушкина можно насчитать 12 цитат и созвучий со стихами Ломоносова и Державина только предикативного или фразового характера. К ним можно добавить заимствования и использование отдельных слов, словосочетаний и их синонимов. Наконец, весьма существенный интертекстуальный характер имеют смысловые противопоставления и корреляты. Можно видеть, что в наибольшей степени текст Пушкина пересекается с текстом Державина и, в том числе, в тех случаях, когда текст самого Державина основан на связях с текстом Ломоносова. Таким образом, наблюдаем эстафету интертекстуальных соответствий Л > Д > П. Примером могут служить строки:

Я буду **возрастать** повсюду **славой** (Л) > **И слава** **возрастет** моя (Д) > **И славен** буду я (П).

Обращает на себя внимание обилие точного цитирования. Повторяются не только отдельные слова, понятия, словосочетания, но часто целые фразы. Так, Пушкин сохраняет заглавную державинскую фразу **Я памятник себе воздвиг** (Д,П). Фразу Державина **Слух прѣйдет обо мне** (Д) Пушкин вначале взял в неизменном виде, но потом отказался от славянизма “**прѣйдет**” и, в соответствии с ритмом ямба, обозначил перестановку сверху цифрами 1 и 2 [13, 240]: **Слух обо мне пройдет** (П). Используя слова **всяк** и **доколь**, употребленные Державиным, Пушкин по сути охотно прибегает к синтаксическим конструкциям, вводимым этими словами: **Всяк ... в народах неисчетных** (Д) > **всяк сущий** в ней *язык* (П).

В целом, как уже было отмечено, “в начале первых трех строф Пушкин дословно или почти дословно повторяет Державина” [20], но заканчивает эти строфы по-своему. Таким образом, используя тему своих предшественников, Пушкин заканчивает ее собственной “ремой”, придавая строфам и стихотворению в целом неожиданный и новый смысл:

Тема	Рема
Я памятник себе воздвиг (Д,П)	Нерукотворный

Превыше пирамид (Л)>выше пирамид (Д)	Выше он главою непокорной <i>Александрійского столпа</i>
И слава возрастет моя, не увядая, <u>Доколь славянов род вселенна будет чтить.</u> (Д)	И славен буду я, <u>доколь в подлунном мире</u> <u>Жив будет хоть один пиит.</u>
Всяк будет помнить то в народах <i>неисчетных</i> (Д)	И <u>гордый внук славян</u> , и финн, и ныне <u>дикий</u> <u>Тунгус</u> , и друг степей калмык.
В сердечной простоте беседовать о Боге <u>И истину царям с улыбкой говорить</u> (Д)	Что в мой жестокий век восславил я Свободу <u>И милость к падшим призывал.</u>
О Муза! <u>Возгордись</u> заслугой <i>справедливой</i> (Д)	Веленью Божью , о муза, <u>будь послушна</u> ,
<i>Чело</i> твое зарей бессмертия венчай (Д)	<u>Не требуя венца</u>

Помимо этого, в стихе Ломоносова важным для Пушкина оказалось слово “лирой”, которое Державин не использовал, а Пушкин употребил дважды: Алцейской **лирой** (Л) > заветной **лире**, **лирой** (П). В связи с этим можно упомянуть, что первые следы темы, связанные с одой Горация, были обнаружены еще в лицейской лирике Пушкина. В стихотворении “Городок” (1815) встречается и “**лира**”, и “**тленье**”, оказавшиеся в “Памятнике” в одной фразе (*душа* в заветной **лире**/ Мой прах *переживет* и **тленья убежит**). Первая же строка лицейского стихотворения соответствует и строке Горация “Non omnis moriā”, и строкам Ломоносова, и Державина (**Не вовсе я умру!** (Л) > Так — весь я не умру... От тлена **убежав** (Д)):

Не весь я предан **тленью**;
С моей, быть может, тенью
.....
Мой правнук просвещенный,
Беседовать придет, и, мною вдохновенный,
На **лире** вздохнет.

Создавая “Памятник”, Пушкин словно оглядывается на пройденный путь, начиная с лицейских стихов. Ведь уже в них возникали первые варианты темы памятника “безвестному певцу” с заросшей к нему тропой [14]:

Потомство грозное не вспомнит обо мне,
И памятник певца в пустыне мрачной, дикой
Забывтый – порастет ползущей повиликой (1816).

Высказывается мнение, что традиционное или общепринятое понимание стиха “К нему не зарастет народная тропа” неверно. Речь у поэта идет не о материальном надгробье или монументе, “им “нерукотворный памятник” как раз *противопоставляется*”, и смысл пушкинских строк оказывается прямо противоположным: “в то время как заросшие тропы –

конечная судьба всех земных монументов, народная тропа к нерукотворному памятнику “не зарастет” потому, что ее *не будет*” [15, с.293]. Такая трактовка, наряду с другими, может служить примером исключительной семантической глубины пушкинского поэтического слова, которое с годами приобретало все больше тех свойств, которых первоначально Пушкин требовал от прозы, т.е. “мыслей и мыслей”. Итак, у Музы не будет венца, а у памятника – тропы.

Не отступая от канона, Пушкин сохраняет общую схему Горация – Ломоносова – Державина. Но прямая ссылка на Горация в эпитафии и “молчаливое следование Державину, который сам собой приходил на память читателю, были лишь подобием музыкального ключа в нотной рукописи – знаком выбора стилистической тональности в собственной поэтической разработке темы, а частично и маскировкой слишком большой самостоятельности этой трактовки” [14, с. 11]. При этом отличия настолько существенны, что они как раз и стали материалом для многочисленных исследований и споров.

В частности, “посчастливилось” такой детали, как “Александрийскому столпу”. Однозначно отнести это название к Александровской колонне перед Зимним дворцом мешает грамматическая форма прилагательного, которая указывает на то, что слово образовано от названия города Александрия, где, действительно, возвышалась “колонна Александрийская”, или “столб Александрийский”. Это название Пушкин мог вспомнить по ассоциативной связи и использовать его, чтобы избежать слишком конкретных политических аллюзий, но сохраняя при этом возможность двойного толкования. Другая возможность отождествить Александрийский столп с Александровской колонной связана с сравнением с Александрией Петербурга, как искусственного города, символа могущества новой империи [15, с. 280]. Еще один важный источник этого и других ключевых образов-символов – “Слово о Ломоносове” А. Радищева (1790): “Не **столп, воздвигнутый** над **тлением** твоим, сохранит память твою... но **доколе** слово Российское ударять будет слух, ты **жив** будешь и не умрешь. Если умолкнет оно, то и **слава** твоя угаснет. Сие изрек я в восторге, остановясь пред **столпом**, над **тлением** Ломоносова **воздвигнутым**”. Правда, исследователи выражали сомнение в значении этих строк для Пушкина, ссылаясь на его оценку “Слова”: “Оно написано слогом надутым и тяжелым”. Но не менее сурово и теми же словами отзывался Пушкин и о самом Ломоносове (“Оды его ... утомительны и надуты”), а также о поэзии “старика Державина”: “Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он ниже Ломоносова) - он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии, ни даже о правилах стихосложения; ...читая его, кажется, читаешь дурной вольный перевод с какого-то чудесного памятника. Ей-Богу, его гений думал по-татарски, а русской грамоты он не знал за недосугом. ... У Державина должно сохранить будет од восемь да несколько отрывков, а прочее сжечь”. (8 июня 1825 г.). В то же время он оставил примеры использования менее талантливых и значительных произведений.

Пушкин, с одной стороны, следуя традиции XVIII века, в своем стихотворении перечисляет не гидронимы, а этнонимы, которые выступают как будущие адресаты его поэзии:

И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.

При этом Пушкин, возможно, придавал этому списку этнонимов одновременно географический и даже “символически космический смысл: в его стихотворении “гордый внук славян” (которым мог быть и живущий в России поляк) представляет Запад, финн – Север, тунгус – Восток и калмык – Юг” [15, с.295].

Смысл намеренной близости, постоянного “цитирования” Пушкиным Державина некоторые исследователи видели в преемственности понимания предназначения России.

Но эстафета принята от Державина при отчетливом сознании "кризиса", трагического перелома и сомнения в "вечной" славе поэта:

Нет, весь я не умру - душа в заветной лире
 Мой прах переживет и тленья убежит -
 И славен буду я, доколь в подлунном мире
 Жив будет хоть один пиит.

“Гораций разделял государственную политику Августа, Ломоносов - Петра I, Державин - Екатерины II. Для поэтов процветание государства было гарантом посмертной славы их поэзии...”[17]. Как писал сам Пушкин, "Век Екатерины - век ободрений; Державину покровительствовали три царя". Но судьба самого Пушкина разошлась с судьбами государства. По мнению Л. Пумпянского, речь идет о "великом кризисе русского государства: Пушкин отказывается вручить свое бессмертие совечности русского государства и связывает его с бессмертием - а может, и смертностью? - поэзии самой. Это одна из самых грустных строк русской поэзии" [16, с.147]. Ученым схвачен здесь самый нерв пушкинской мысли, считает А. А. Белый [17]. В то же время эта строка перекликается с приведенной выше фразой А. Радищева “**доколе** слово Российское ударять будет слух, ты **жив** будешь и не умрешь.” И с этим именем связан вариант “Что вслед Радищеву восславил я Свободу”, тогда как основной вариант “Что в мой жестокий век восславил я Свободу” говорит не только о политической свободе, но и о столь ценимой поэтом свободе и независимости своего творчества.

Итак, можно видеть, что переклички и созвучия не ограничиваются только Ломоносовым и Державиным. Пушкину были известны и другие переводы Горация: В.Капниста (1805), А. Востокова (1806), С. Тучкова (1816). Таким образом, как отмечают исследователи, видимо, Пушкину нужна была “"игра со многими участниками". ...круг "участников" принципиально не замкнут, сознание читателя должно быть открыто к разным ассоциативным ходам”, к узнаванию не только Горация и Державина, но и стихов на данную тему самого Пушкина, что имеет, на наш взгляд, принципиальный характер, так как Пушкин здесь подводит итоги своего обращения к теме на протяжении двадцати лет. “Это ведет к сложной полифонии, расширению стихового пространства. Насыщенность поэтическими ассоциациями в то же время делает стихотворение элитарным, предполагает аристократический уровень культуры.” [17]. В целом следует подчеркнуть, что в рамках данной темы следует говорить не только и не столько об интертекстуальной игре, но о пространстве гипертекста. Говоря в наши дни о гипертексте как о сети Интернет, исследователи отмечают: “Так как сеть бесконечна по своим параметрам и так как в ней нет центра или периферии, то любой ее участник своим включением “центрирует” всемирную паутину, предлагает свой текст, свой стиль, то есть в определенном смысле создает свой мир” [21, с.8]. Но “Памятник” Пушкина, который входит в реальный, а теперь уже и виртуальный гипертекст данной традиции, который приобрел “слишком большую самостоятельность”, становится или является “центрирующим текстом, сохраняющим за собой лидерство смысла” [18, 262]. Смысл этого произведения “может быть уяснен до конца лишь на фоне всей этой отвергаемой и преобразуемой русским гением традиции” [22, с.512].

Понятие “одинаковость смысла” двух и более текстов предполагает определение соответствий составляющих их элементов и семантических отношений между ними. Интертекст (как и перевод), “интересен как механизм, проявляющий ... художественную модель произведения, которую нельзя непосредственно абстрагировать от текста” [19, с. 245], но можно установить до определенной степени, фиксируя тождества и различия в сравниваемых произведениях.

Список литературы

1. Kristeva J. Bachtine, le mot, le dialogue et le roman // Critique, 1967, № 23.
2. Lachmann R. Dialogizität. - München.- 1982.
3. Чернявская В.Е. Интертекстуальность как текстообразующая категория в научной коммуникации (на материале немецкого языка). Автореф. дисс. д-ра филол. наук. – СПб. 2000. – 49 с.
4. Сидоренко К.П. Цитаты из "Евгения Онегина А.С.Пушкина" в текстах разных жанров. - СПб, "Образование", 1998.
5. Масленникова Е. М. Смысловые трансформации текста при переводе на материале переводов поэтич. текстов). Автореф. дисс. канд филол наук. – Тверь, 2000. – с.19.
6. Там же, с. 9.
7. Стенник Ю.В. Пушкин и русская литература XVIII века. - СПб. 1995.
8. Вересаев В.В. Загадочный Пушкин. - М.,1996, с.259-260.
9. Мурьянов М.Ф. Из наблюдений над текстами Пушкина. Сб. Московский пушкинист. - М.,1995, 1
10. Проскурин О.А. Поэзия Пушкина или подвижный палимпсест. – М., 1999.
11. Непомнящий В. Поэзия и судьба /Статьи и заметки о Пушкине - М., 1983.
12. Сурат И. О "Памятнике"// Новый мир, 1991, N 10, с. 193.
13. Алексеев М.П. Стихотворение А.С. Пушкина “Я памятник себе воздвиг нерукотворный...”. – М., 1967.
14. Там же, с.218.
15. Проскурин О.А., указ. соч.
16. Пумпянский Л.В. Об оде Пушкина "Памятник". // Вопр. литературы, №8, 1977.
17. Белый А. А. Разговор о "Памятнике" // "Московский пушкинист", № 7, 2000, с. 118.
18. Jenny L. La stratégie de la forme // Poétique. – 1976, № 27.
19. Ревзин И.И. Современная структурная лингвистика. Проблемы и методы. - М.,1977.
20. Саламон Л,С, Заметки о переложениях оды Горация “Памятник” Пушкиным и Державиным // Пушкин и Об-во любителей росс. словесности. – М., 1999. – с. 208-217.
21. Михайлов С.В. Общение в виртуальном пространстве / Ульяновский ТГУ. – 2003. Рукопись деп. в ИНИОН РАН.
22. Виноградов В.В. Язык Пушкина. - М., 1941.

TYPES OF MARKED LINGUISTIC INTERTEXTUALITY

V. Smirensky

Key words: marked intertextuality, literary prototypes, frame, text correspondences, A. Pushkin “The Monument”.

It is proposed to use the so-called narrow concept of intertext, which takes place, when the author intentionally establishes interaction between texts and makes it visible for a reader with the help of special formal resources. Besides it is possible to assume, that not only the author makes it intentionally and realized, but also a reader (or a researcher) can truly reveal author’s intention and perceive the dialogue character of the given text. Then it is possible to find out in the text concrete thematic, lexical and semantic relations with its prototypes. The possibility of their disclosure or decoding according to the certain rules allows to speak about the marked intertextuality (irrespective of the fact, whether these links are marked by the author or by a researcher). Basing on this concept, linguistics receives an opportunity of detailed formal analysis of intertextual interrelations in linguistic structure and texture. An attempt is made to analyze Pushkin’s poem “The Monument” and its prototypes written by Lomonosov and Derzhavin to reveal an artistic model of the work.